
Н.Э. Гронская

Языковая политика через призму миграции:
языковой либерализм
как угроза языковой идентичности

Natalia Gronskaja

Language Politics through the Prism of Migration:
Liberal Language Policy as a Threat
to Linguistic Identity

Proceeding from the assumption that language is the storage of cultural and mental patterns as well as the integral part of ethnic/national identity, along with the shared history, cultural baggage, territory, etc., the author examines the possible challenges accompanying contemporary social and political processes in the world. The ecology of language, which is increasingly worrying professional linguists today, turns out to be closely tied to the notions of external and internal linguistic tolerance, that not infrequently lead to the corrosion of ethnic identity. The liberalism in using the language resources that is meant to ensure a harmonic life and development of a language begins to pose a threat to linguistic identity, once it has reached a certain level. Thus, the “Russian-speaking” linguistic identity, which has an expansive meaning and plays the integrative part in Russia’s communicative space, finds itself in the risk zone.

Языковая политика, проводимая государством, должна быть адекватной и соразмерной сложившейся в обществе социолингвистической ситуации. Речь идет о непростых решениях в языковом планировании, которые должны приниматься с учетом исторического прошлого, длительных языковых контактов, соблюдения языковых прав носителей языков, государственных

нужд и многого другого [Алпатов 1997; Языковая политика в современном мире 2007; Gronskaya 2005; Kohler 2010]. Социолингвистическая ситуация начала века в РФ, будучи следствием языковой политики в постперестроечный период, впитывая все последствия языковой глобализации [Березин 1997; Алпатов 2005; Гронская 2005; Гронская 2007], осложняется значительными миграционными потоками из сопредельных государств, что также требует регулирования, в том числе и языкового, причем эта проблема не является чисто российской [Linton 2009; Ives 2010]. Было бы непродуктивно и крайне недальновидно оставлять без внимания аналитические прогнозы, касающиеся современного состояния российского коммуникативного пространства. Речь идет не только о состоянии государственного языка РФ [Гронская 2005; Гронская 2007], но и об изменениях, затрагивающих русскую языковую идентичность, влияющих на языковую картину мира носителей данного языка.

Термин «языковая идентичность», довольно сложно определяемый с точки зрения психолингвистики и этнопсихологии, содержательно сводится к языковому владению, обладанию коммуникативными компетенциями на одном из языков. Лингвистическая идентичность, таким образом, сводится к описательной конструкции «говорящий на данном языке» – русскоговорящий, англоговорящий, франкоговорящий и т. д. Однако было бы неверно утверждать, что говорение на одном из языков автоматически делает человека определенной языковой личностью, формирует его языковую идентичность. Язык как хранилище культурной информации, вместилище ментальных паттернов, как образ мысли обогащает инструментальную трактовку языковой идентичности. Язык является неотъемлемой частью этнической/национальной идентичности и наряду с общей историей, культурным багажом, общей территорией и пр. определяет формирование и последующее воспроизведение специфических черт этноса/нации. Таким образом, элементами русской языковой идентичности являются русская словесность, русская философия, музыка, история, русская природа и, конечно, собственно русский язык [Тишков 2003; Тишков 2009]. Перефразируя слова О.А. Белькова [Бельков 2006] об этнической идентичности, определим языковую идентичность как устойчивую и многогранную форму связи человека с миром, влияющую на мировосприятие, образ жизни, ценностные ориентации личности.

История знает примеры конструирования языковой идентичности как проекты создания общей государственности (Yilmaz

Bingol 2009; Kanaviim Rajagopalan 2008] или проекты создания государственных границ [Puravas 2006].

Говоря о социалингвистической ситуации в современной России, следует обратить внимание на «негомогенное целое» (М. Бахтин) этносов, населяющих страну. Это априори существующее многообразие усложняется миграционными сообществами, которые значительно укрупнились за последние несколько десятилетий. Любая миграция связана с конфликтом языков, поскольку перемещение больших групп населения предполагает также и непосредственное взаимодействие носителей языков. Для институционального упорядочения подобного взаимодействия и существует языковая политика. Определение языковой политики, данное в «Лингвистическом энциклопедическом словаре»: «ЯП – совокупность идеологических принципов и практических мероприятий по решению языковых проблем в социуме, государстве» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990] – несколько отличается от дефиниции словаря терминологического: «ЯП. Составная часть политики государства в области культуры и образования, выражающаяся в законодательных актах, правительственных постановлениях и комплексе практических мер, регулирующих формирование и развитие официального (государственного) языка, а в многонациональных государствах – также соотношение государственного и национальных языков» [Васильева 2003: 179]. Но содержательно очевидно, что в многоязычном социуме языковая политика заключается в воздействии общества на взаимоотношения между отдельными языками и воздействии на систему функционирующего языка в одноязычном социуме.

Русский язык всегда существовал в окружении других языков. Однако ситуация, которую мы наблюдаем в последнее время в России, приводит к серьезным изменениям в русском языке, которые, на наш взгляд, являются препятствием для сохранения языковой идентичности – и в научном дискурсе все чаще появляются термины «экология языка», «эколингвистика» [Эколингвистика 2003].

По нашему мнению, актуальными для рассмотрения современной социалингвистической ситуации терминами являются понятия внешней и внутренней языковой толерантности [Гриценко, Гронская 2009]. Внешняя толерантность представляет собой толерантность носителей данного языка по отношению к другим языкам и их носителям. Внутренняя толерантность определяет терпимость носителей языка к нарушениям/искаже-

ниям внутри языка со стороны самих носителей языка, а также терпимостью по отношению к говорящим на данном языке как на неродном. Коррозия языковой идентичности в первую очередь связана с внутренней языковой толерантностью. Градуирование внутренней толерантности позволяет ввести авторский термин *гипертолерантность* [Гронская 2009; Гриценко, Гронская 2009], описывающий положение излишней толерантности, характерное для современной России.

Одним из аспектов общей либерализации политической, экономической и культурной жизни в России в постперестроечный период стала либерализация собственно русского языка и либерализация в использовании русского языка. Упомянутая гипертолерантность – порождение и одновременно форма проявления языкового либерализма в России.

Основными формами проявления либерализации в использовании языка являются:

- терпимость носителей русского языка к ошибкам нерусскоговорящих (мигрантов);
- принятие русским языком чуждой языковой нормы («Кыргызстан», «Беларусь», «Таллинн», «в Украине»);
- активное усвоение русским языком американизмов, калькирование этикетных формул и клише, рекламных слоганов, формулировок делового общения и т. п.;
- смешение кириллической и латинской графики: SMS-сообщения, PR-отдел, VIP-гости; транслитерация без русификации: СмайлКлиник, экофлэты;
- снижение общей речевой культуры русскоговорящих – вульгаризация и жаргонизация публичного коммуникативного пространства, расшатывание и искажение норм, исчезновение образцовой речи и пр.

Учитывая, что сложившаяся языковая ситуация является следствием комплексного действия многих факторов, следует обратить особое внимание на длительное функционирование русского языка в качестве языка межнационального общения – своего рода *lingva franca* для всего СССР. Использование русского языка в качестве основного коммуникативного инструмента негативно воздействовало на систему и структуру языка, размывая нормы, стирая границы между литературной и нелитературной формами. Аналогичные процессы наблюдаются сейчас в отношении *Global English*. В России же с активизацией миграционных процессов в постсоветский период эти тенденции усилились.

Снижение общего уровня культуры устной и письменной русской речи заметно не только в медийном пространстве. Изменилось отношение нашего общества к языку, прежде всего проявляющееся в небрежном отношении к языковым нормам, варваризации и жаргонизации речи, в обилии бранных слов и т. п. Несмотря на то что специалисты-языковеды, филологи, деятели культуры давно проявляют озабоченность современным состоянием речевой культуры, сами носители языка не видят непосредственной связи между стабильностью функционирования языковой системы и собственным коммуникативным поведением, хотя очевидно, что подобное отношение грозит размыванием языковой идентичности.

Примером достаточно индифферентного (гиперлиберального) отношения к языку являются результаты опроса, проведенного среди студентов Нижегородского государственного лингвистического университета [Гриценко, Гронская 2009], причем профессиональная ориентация информантов позволяла рассчитывать на взвешенную оценку социолингвистических процессов.

Вопрос о современном состоянии русского языка разделил респондентов практически пополам: 43% отвечавших оценило его как удовлетворительное и 47% – как неудовлетворительное. 10% респондентов затруднились с ответом. Отрадно, что большинство опрошиваемых (87%) считают необходимым соблюдение норм для носителей языка. При этом высокую степень толерантности демонстрируют ответы, касающиеся несоблюдения норм теми, для кого русский язык не является родным (проживающие на территории России мигранты, представители других этнических групп): 40% респондентов считают это необязательным, а 14% затруднились с ответом. Лишь три четверти респондентов полагают, что размывание нормы угрожает коммуникации на русском языке и самому языку. Удивительный либерализм демонстрирует каждый пятый из опрошенных, считая, что человек сам вправе определять, следовать языковым правилам или нет.

Примерно на три равные части разделились ответы студентов на вопрос об экспансии в русский язык американизмов. Положительно оценили этот процесс 35% респондентов; отрицательно отреагировал 31% опрошенных. 34% студентов старались каким-либо образом оправдать массовый приток заимствований, связывая обилие транслитераций и калек с процессами глобализации, культурного взаимодействия и «естественными процессами развития языка».

Либерализм в использовании языковых ресурсов, призванный обеспечить гармоничное существование и развитие языка, достигнув определенного предела, начинает предвещать угрозу языковой идентичности. В данном случае следствием является снижение языковой способности самих носителей языка, переходящее в безграмотность.

Языковая гипертолерантность легализует ненормативные речевые образцы, нарушение языковых норм, размывает русскоговорящее языковое пространство. Ошибочно осмысленные идеи либерализации языковых процессов превратились в ложно понятую свободу слова, в гипертолерантность и индифферентность значительной части общества к состоянию русского языка.

Однако русский язык – *de facto* общий язык для всех россиян, русская языковая идентичность является скрепляющим, цементирующим Россию элементом. Это своего рода общее культурно-языковое коммуникативное основание, на котором можно строить объединяющее разные этнические идентичности общество. В этом случае объединяющим для граждан РФ началом является общий коммуникативный инструмент – русский язык. Лингвистическая идентичность «русскоговорящий» имеет расширительное значение и выполняет объединительную функцию, в то время как языковой либерализм (превратно понятая языковая свобода языковой личности) приводит к искажению русской языковой идентичности.

Литература

- Алпатов 1997 – *Алпатов В.М.* 150 языков и политика: 1917–1997. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М., 1997.
- Алпатов 2005 – *Алпатов В.М.* Языковая ситуация в регионах России // Отечественные записки. 2005. № 2 (<http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0251/analit04.php>).
- Бельков 2006 – *Бельков О.А.* Антиномии национализма // НАВИГУТ (Научный альманах высоких гуманитарных технологий). 2006. № 2.
- Березин 1997 – *Березин Ф.М.* Место и роль русского языка в постсоветской России // Теория и практика общенаучной информации. Вып. 13. 1997 (<http://www.lingvolab.chat.ru/library/berezin.htm>).

- Васильева 2003 – *Васильева Н.В.* Краткий словарь лингвистических терминов. М.: Рус. яз., 2003.
- Гриценко, Гронская 2009 – *Гриценко Е.С., Гронская Н.Э.* Гипертолерантность, или О либерализме в использовании языка // Вестник МГЛУ. 2009. № 3 (40). Сер. 1. Филология. С. 7–15.
- Гронская 2005 – *Гронская Н.Э.* Российская социолингвистическая ситуация через призму глобализации // Вестник ННГУ (Н. Новгород). 2005. Вып. 2(3). Сер. Международные отношения. Политология. Регионоведение. С. 174–187.
- Гронская 2007 – *Гронская Н.Э.* Русский язык в условиях глобализации // МОВА. Научно-теоретический часопис з мовознавства. Одесса: Астропринт, 2007. № 12. С. 6–10.
- Гронская 2009 – *Гронская Н.Э.* Языковой либерализм как угроза национальной безопасности // Проблемы языковой картины мира на современном этапе: Сб. ст. по мат-лам междунар. науч. конф. молодых ученых. Вып. 8. 24–25 марта 2009 г. Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 2009. С. 61–64.
- Лингвистический энциклопедический словарь 1990 – Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.
- Тишков 2009 – *Тишков В.А.* И русский, и российский // Вестник российской нации. 2009. № 2 (4).
- Тишков 2003 – *Тишков В.А.* Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003.
- Эколингвистика 2003 – Эколингвистика: теория, проблемы, методы: Межвуз. сб. науч. трудов / Под ред. А.М. Молодкина. Саратов: Научная книга, 2003.
- Языковая политика в современном мире 2007 – Языковая политика в современном мире: Антология. М.: Златоуст, 2007.
- Gronskaya 2005 – *Gronskaya N.* The Global Security Challenges to Languages: Russian Political Discourse (на англ. яз.) // Вестник НГЛУ. 2005. С. 265–282.
- Ives 2010 – *Ives P.* Cosmopolitanism and Global English: Language Politics in Globalisation Debates. Political Studies. 2010. Vol. 58. P. 516–535.
- Kanaviim Rajagopalan 2008 – *Kanaviim Rajagopalan.* The Role of Geopolitics in Language Planning and Language Politics in Brazil // Current Issues In Language Planning. 2008. Vol. 9. No 2.
- Kohler 2009 – *Kohler M.* Language Politics in Belgium and the Flemish-Walloon Conflict. Reason for a State to Fail or Driving Force behind Federalism and Conciliation (<http://my-shop.ru/shop/b20ks/720466.html>).

- Linton A.* Language politics and policy in the United States: implications for the immigration debate. *Int'l. J. Soc. Lang.* 199. 2009. P. 9–37.
- Pupavac 2006 – *Pupavac V.* Discriminating language rights and politics in the post-Yugoslav states // *Patterns of Prejudice.* 2006. Vol. 40. No 2.
- Yilmaz Bingol 2009 – *Yilmaz Bingol.* Language, Identity and Politics in Turkey: Nationalist Discourse on Creating a Common Turkic Language // *Alternatives: Turkish Journal of International Relations.* 2009. Vol. 8. No 2.